

УДК 81-114.2

ЛИНГВОГЕОГРАФИЯ И ПРОБЛЕМА ДЕКОДИРОВАНИЯ ЯЗЫКА КАРТЫ

© 2010 г.

Т.И. Вендина

Институт славяноведения РАН, Москва

vendit@ Rambler.ru

Поступила в редакцию 26.04.2010

Рассматривается лингвогеографический метод декодирования языка карты и предлагается решение проблемы хронологической интерпретации лексических изоглосс.

Ключевые слова: лингвогеография, язык карты, ареалы, связи.

Развитие лингвистической географии, «создание лингвистических атласов и оперирование их данными в значительной степени изменили гносеологический облик лингвистики: пространственный дискурс вместе с исследованием внутренней структуры и диахронии языковых единиц образует гносеологическое триединство лингвистики, исследующей язык в трех измерениях – структуры, пространства и времени» [1: 86]. Картографирование сегодня рассматривается как эвристический метод, с помощью которого осуществляется не просто сопоставление изучаемых явлений, но их систематизация и стратификация во времени и пространстве.

Разрозненная фиксация диалектно-языковых фактов, представленная на картах многочисленных атласов, требует своего теоретического осмысления, декодирования их в логически последовательные цепи, отражающие реальную связь изучаемых явлений во времени и пространстве. Поэтому современный этап развития лингвистической географии можно с полным основанием охарактеризовать как этап становления «объясняющей лингвогеографии», имеющей своей целью глубинную интерпретацию лингвистической карты и сопряженный с ней анализ эксплицированных языковых явлений.

Трудность, однако, заключается в том, что в отечественной лингвистической географии (как, впрочем, и в зарубежной) еще довольно плохо проработаны методологические основы приемов и принципов научного осмысления картографических данных в ареальном аспекте, а тем более методика чтения карт разного типа. Возможно, именно поэтому материалы атласов еще довольно медленно вводятся в научный оборот и лингвогеография является в известной степени «закрытой» областью языкознания, а атласы имеют сравнительно ограниченный круг пользователей.

Лингвистическая карта, действительно, трудна для восприятия, причем не только для неподготовленного читателя, но и для специалиста, так как это довольно специфический текст, несущий слишком большой объем разноплановых языковых сведений, зачастую не только не известных ранее из других источников информации, но и противоречащих устоявшимся в языкознании стереотипам и постулатам.

В связи с этим чрезвычайно продуктивным, как представляется, является **прием рекартографирования**, имеющий своей целью поэтапное прочтение карты путем упорядочивания представленных на ней материалов и укрупнения ареалов картографируемых лексем. В этом случае карта из иллюстрации превращается в самостоятельный объект анализа, и факты, отраженные на ней, становятся особенно значительными благодаря избранному масштабу исследования.

При этом карта дает возможность не только выявить ареальные связи тех или иных диалектов, но и рассмотреть их во временном плане. В соответствии с постулатом лингвистической географии карта, являясь пространственной проекцией элементов языковой системы диалектов, позволяет исследователю описать формирование диалектных различий в их исторической перспективе, поскольку фактор пространства всегда неразрывно связан с фактором времени. Языковые различия в пространстве тождественны языковым различиям во времени: «существование языка в пространстве и существование языка во времени – одно и то же явление существования языка во времени-пространстве» [5: 304]. Поэтому возможность пространственной визуализации межъязыковых схождения делает реальной и временную стратификацию картографируемых лексем подобно той, которой располагает славистика, предлагая

относительную и даже абсолютную хронологию для многих фонетических и грамматических явлений праславянского языка.

Но здесь возникает проблема хронологической интерпретации лексических изоглосс. К сожалению, славистика пока не располагает **надежными** критериями для хронологического расслоения языкового материала.

Сегодня в лингвистической географии прочно утвердился тезис основателя «неолингвистической» школы М. Бартоли о существовании взаимосвязи между географическим распространением языкового явления и временем его возникновения. Это положение явилось ключом к **осмыслению проблемы разграничения архаизмов и инноваций** и определения центров иррадиации новых явлений. Однако закономерности соотношения типов ареалов и хронологии самих явлений, сформулированные М. Бартоли на материале романских языков, имеют скорее индикативный характер, т.е. они лишь указывают на возможность истолкования явления, например, как архаического, если оно зафиксировано в изолированных, периферийных или в значительных по территории областях. Трудности диахронической интерпретации фактов, синхронно зафиксированных на лингвистических картах, порождены, в частности, тем, что информация о временной стратификации представлена на картах в «закодированном» виде: исследователь может лишь констатировать самый факт «специализации времени».

Думается, однако, что выход из этого положения подсказывает сама лингвистическая география с ее пространственными и лингвистическими критериями.

При рассмотрении этого вопроса следует, по-видимому, принимать во внимание следующие признаки.

Формально-картографические признаки ареала

1. Пространственная характеристика ареалов (являются ли ареалы дистантными или контактными).

2. Место локализации ареалов, т.е. находятся ли ареалы в трех языковых группах (в восточной, западной, южной), в двух (в восточной и западной, в восточной и южной или в западной и южной) или только в одной группе, что является важным при хронологической стратификации материала.

3. Качественная характеристика ареала – обширный или островной (или даже точечный), непрерывный или разорванный, характер его

границ (ровные границы или резаные) и самой его «плотности» (является ли ареал сплошным или дисперсным).

Лингвистические признаки ареала

1. Тип основы корреспондирующих лексем (производный/непроизводный).

2. Наличие/отсутствие дериватов, однокоренных с корреспондирующими лексемами.

3. Локализация дериватов (в рамках одной или разных языковых групп).

4. Наличие/отсутствие явления конкуренции с другой лексемой в данном ареале.

5. Характер значения корреспондирующих лексем (прямое или переносное).

6. Характер диалектного противопоставления, представленного на карте (двучленное или многочленное).

7. Типология выявленных лексических соответствий (являются ли они случайными или вписываются в некую микросистему).

8. Количественный показатель выявленных соответствий (являются ли они массовыми или единичными: массовость выявленных сходений невозможно приписать случайности, поэтому она лежит за границей произвола исследователя).

Эти классификационные признаки не претендуют на статус единой всеобъемлющей модели интерпретации лингвистической карты (тем более что создание такой модели в связи с многообразием типов атласов вряд ли выполнимая задача). Однако они позволяют соотнести генетический и ареальный критерий и установить относительную хронологию выявленных изоглосс.

Пространственный критерий дает возможность определить тип ареала, а также его локализацию. При этом **наибольшей диагностической силой при хронологической стратификации материала будут обладать не только масштабные, но и островные дистантные ареалы**, ибо наличие изоглосс, связывающих языки, удаленные на очень большое расстояние, говорит о том, что «языковая общность, сосредоточенная первоначально на сравнительно ограниченной территории, с течением времени рассеялась» [4: 184].

Материал Общеславянского лингвистического атласа показал, что **критерий масштабности ареала** при рассмотрении межславянских лексических соответствий не следует абсолютизировать, так как часто наблюдается разрушение ареала. Так, например, среди межславянских параллелей, содержащихся в шестом томе

ОЛА «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», представляющем лексику, относящуюся к наиболее древнему пласту, связанному с крестьянским бытом и ведением домашнего хозяйства, нет ни одной лексемы, которая, будучи общеславянской, равномерно покрывала бы всю территорию Славии. Как правило, эти немногочисленные лексемы (ср. *ob-ěd-ъ* к. 59 'обед, еда в дневное время'; *večer-j-a* к. 62 'ужин, вечерняя еда'; *večer-j-a-j-e-ть* к. 64 'ест ужин'; *sěr-a* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво') имеют повсеместное распространение на одних территориях и ограниченное – на других. Невольно напрашивается вывод: чем больше территория, тем меньше лексем, способных ее «освоить» (или «удержать») полностью.

Кроме того, масштабность ареала может свидетельствовать не только о его архаичности, но и о сравнительно позднем образовании (ср., например, распространение лексемы *гьÆрСбиш-ьк-а* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка', которая имеет обширный ареал в русских диалектах: края его довольно ровные, практически совпадающие с государственной границей России, а это в соответствии с теорией ареалов является свидетельством инновации, что подтверждают и данные исторических словарей русского языка, в которых данная лексема не фиксируется).

Языковые явления, локализующиеся в **дистантных ареалах**, могут квалифицироваться также по-разному. Они могут сигнализировать не только о древних контактах между двумя этносами или этническими группами в пределах одного этноса, но и о независимой параллельной инновации, а также о сохранении общего архаического фонда (ср., распространением лексемы *рѣп-а* к. 31 'пенка' (на молоке), которая имеет островные дистантные ареалы в севернорусских, в юго-западных и полесских украинских говорах, в словенских, некоторых хорватских диалектах, а также в говорах Эгейской Македонии).

Немаловажной представляется и качественная характеристика ареала, так как микроареалы являются, как правило, территориальными величинами позднего времени, поскольку репрезентируемое ими языковое явление как новое, только нарождающееся не получило еще в них широкого распространения из-за наличия других, более употребительных и лингвистически активных форм, ср., например, ситуацию в словенских и хорватских диалектах, отраженную на к. 11 'мука, из которой пекут хлеб', где наряду с широко распространенной лексемой *тѣк-а* существует ареально ограниченная лек-

сема *tel-j-a*, которая имеет микроареалы в этих диалектах.

Что касается лингвистических критериев, то здесь **чрезвычайно важным является характер основы** выявленных корреспонденций, поскольку славянские лексемы с непроизводной основой будут обладать большим классификационным весом при хронологической стратификации материала, нежели производные. Наличие же возникших на их базе производных имен является еще одним усиливающим фактором, так как словообразовательные дериваты как бы расширяют «радиус их действия» (ср., например, распространение лексемы *kraj-ь* на к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка', которая может быть отнесена к несомненным архаизмам несмотря на то, что имеет лишь островные ареалы в русских (архангельских и тверских), хорватских, сербских и словацких диалектах). Основанием для отнесения ее к архаизмам служит то, что она имеет дистантные ареалы, которые локализируются в трех славянских языковых группах. Кроме того, эта лексема обладает непроизводной основой, на базе которой образовались многочисленные дериваты, расширившие радиус ее распространения до общеславянского. Наконец, лексема *kraj-ь* сохраняет свое прямое этимологическое значение, соотносящееся с глаголом **krojiti* 'резать' (ЭССЯ 12: 88), т.е. то, что отрезано, «место отреза или разрыва» [6: 364; 7: т. I, 438; 3: т. I, 376], что также свидетельствует в пользу ее архаичности.

Важным (хотя и не определяющим) является и характер условий бытования корреспондирующих лексем, в частности, отсутствие явления конкуренции с другой лексемой в данном ареале, что является свидетельством ее своеобразной «стойкости», устойчивости к переменам, ибо чем больше зафиксировано лексем в том или ином ареале, тем больше оснований говорить о нестабильности языкового явления в этом ареале.

Таким образом, при использовании лингвистических критериев важное значение приобретает фактор системных отношений. В этой связи существенным критерием является и характер значения корреспондирующих лексем, так как диалектные названия, «возникшие в результате метафорического употребления, эвфемизации, табу и проч., обыкновенно являются более поздними сравнительно с обыкновенным названием на широком ареале» [2: 97]. Это наблюдение подтверждается ареалом лексемы *гьÆрСбиш-ьк-а*. О том, что этот ареал сформировался достаточно поздно, по-видимому, уже в рамках

самостоятельного существования русского языка, свидетельствуют не только очертания его границ, но и метафорический характер значения, а также мотивационного признака, лежащего в основании внутренней формы этой лексемы.

Наконец, чрезвычайно важным критерием, позволяющим провести стратификацию материала в хронологическом аспекте, является тип диалектного противопоставления, зафиксированный на карте – двучленный или многочленный, так как двучленные противопоставления хронологически являются более древними, чем многочленные.

Изложенные выше принципы лингвогеографического анализа карты не следует абсолютизировать, а тем более ожидать от них точности математических законов. Это, однако, не умаляет значения общих наблюдений пространственной лингвистики, ибо ее приемы «помогают более или менее верно определить характер явления, но это не значит, что при привлечении новых языковых данных вывод не может быть пересмотрен» [4: 180]. Эти классификационные признаки являются лишь ориентирами при декодировании «языка карты» и проникновении в ее глубинные смыслы.

Информация, которую несет в себе лингвистическая карта, еще только начинает изучаться. Умение «читать карту» открывает широкие

перспективы не только в исследовании эволюции единиц языка, но и в решении вопроса об истории формирования этнических общностей, ибо во многом карта имеет бесспорные преимущества перед другими лингвистическими источниками, а иногда она просто безальтернативна (подробнее см. [1: 86]). В связи с этим предложенные методологические приемы декодирования языка карты дают возможность поэтапного ее анализа, а значит – адекватной интерпретации развернутой на ней экспозиции языковых явлений в пространственном и временном аспекте.

Список литературы

1. Гриценко П.Е. Об интерпретации лингвистических карт // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. М., 2004.
2. Дзензелевский И.А. Некоторые вопросы интерпретации лингвистических карт // Вопросы языкознания. 1963. № 4.
3. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. М., 1910–1914. Т. I–II.
4. Принципы описания языков мира. М., 1976.
5. Степанов 1975 – Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики М., 1975.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. I–IV.
7. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994. Т. I–II.
8. Этимологический словарь славянских языков. М., 1974. Т. 1.

LINGUISTIC GEOGRAPHY AND THE PROBLEM OF DECODING THE MAP-LANGUAGE

T.I. Vendina

The paper deals with linguogeographical methods of the map-language decoding. Some solutions of the chronological interpretation problem of the lexical isoglosses are suggested.

Keywords: linguistic geography, map-language, areas, links.